

УДК 821.161.1

Н.И. ПАК,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы*

Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского (Российская Федерация)

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ КАК ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б.К. ЗАЙЦЕВА)

В статье рассматриваются особенности авторских примечаний к произведениям, определяется их значение для целостного восприятия текста. В частности показано, что примечания имеют не только информативно-уточняющий характер, но способствуют усилению такого жанрового фактора, как пространственно-временные отношения в произведении.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев, целостность произведения, жанр жития, жанр хождения, фактор достоверности, колорит эпохи, эстетическая функция, пространственно-временные отношения, образ повествователя.

Создавая свое произведение о преподобном Сергии Радонежском, Б.К. Зайцев использовал различные источники, его повествование насыщено интертекстуальными связями (Киево-печерский патерик, летописи, житие Антония Великого, сочинения Василия Великого, житие Франциска Ассизского и др.). То же самое касается и «Афона». Но мы остановимся не на внутритекстовых авторских ассоциациях и комментариях, а на примечаниях, следующих за текстом.

Примечаний немного: в «Преподобном Сергии Радонежском» их 19, а в «Афоне» – 16. По содержанию они могут быть названы информативно-уточняющими. Отсутствие их не повлияло бы на цельность произведений, но их наличие создает особую целостность, большую завершенность и полноту, что подтверждает их значимость, их сильную позицию в тексте.

В работе над «Преподобным Сергием Радонежским» основным источником стало житие, составленное Епифанием Премудрым, поэтому первое авторское примечание посвящено именно этому древнерусскому писателю. Зайцев отмечает особенности его писательской манеры, указывает год его смерти и подчеркивает, что Епифаний «не менее 16–17 лет провел при святом» [1, с. 70]. Последнее замечание важно как свидетельство того, что житие составлено не только современником, но человеком, знавшим Сергия лично. А это позволяет надеяться в какой-то мере на достоверность повествования. Большая часть примечаний так или иначе связана с хронологией жизни преподобного: уточнением времени его рождения, пострига, поставления в игумены, введения общежития в монастыре. В этом проявилось не только стремление автора к точности. В агиографическом произведении важен фактор достоверности, и примечания способствуют его усилению, поскольку Зайцев ссылается на суждения историков, определяя наиболее аргументированные позиции. Насыщенность датами – характерная черта для примечаний к данному произведению. Усиливая достоверность сообщаемого, она помогает погружению в эпоху, весьма удаленную от читателя.

Помимо датировки важным фактором времени является слово, архаичная лексика. Третье примечание дано к слову «жеребята» в связи с эпизодом отыскания их отроком Варфоломеем. В примечании автор приводит цитату из текста Епифания: «О жеребятах:

“на взыскание клюсят” – очень старинное слово, собств. “лошадей”» [1, с. 70]. И далее, используя в тексте слова «волоковые», «харатья», «посмагов», автор в примечаниях дает им объяснение. Лексический фактор времени не только способствует погружению в эпоху, в большей мере он выполняет *функцию эстетическую*, позволяя писателю XX в. в конструировании бытовых эпизодов давно ушедшей эпохи передать ее колорит. В этом проявился характерный для литературной традиции Серебряного века «вкус» к слову. Зайцев, конечно, мог обойтись без этих архаизмов в примечаниях, но их повторение и толкование, безусловно, работают на целостность художественного мира произведения.

Двойная функция свойственна и цитатам из Епифания, в которых время указывается через упоминание исторических лиц (примечание 2 и 7): «В княжение великое Тверское, при Великом Князе Дмитрие Михайловиче, при Архиепископе Петре Митрополите всея Руси, егда рать Ахмулова бысть» [1, с. 70]. С одной стороны, это исходные данные для датировки и расширения персонажного фона эпохи, с другой – звучание древнего текста вносит соответствующий аромат, то есть выполняет эстетическое задание автора, заставляя читателя прислушаться, через слово приобщиться к далекому прошлому.

Еще одна группа примечаний (5, 6, 14–17, 19) содержит информацию, касающуюся некоторых сторон жизни церкви. При этом писатель ссылается в основном на Е.Е. Голубинского как автора «Истории русской церкви». В них говорится о типах монастырской жизни на Руси, о «монашеских уставах», о внутрицерковных настроениях (17 – о Митяе). Благодаря этим примечаниям усиливается именно «монастырский» контекст произведения, особенно за счет густоты имен великих византийских подвижников: Пахомий Великий, Василий Великий, Савва Освященный, Феодор Студит. Обозначение времени их деятельности и введения соответствующих уставов – «четвертый век <...>, шестой век <...>, девятый век <...>, десятый век» – указывает истоки русского монашества и подчеркивает глубокую и прочную преемственность монашеской традиции на Руси.

Обратим внимание на последнее (19) примечание, которое дано к началу завершающей главы произведения, начинающемуся с образа Троице-Сергиевой Лавры как результата жизни преподобного Сергия: «До Преподобного на Маковице был лес <...>. А когда он умер, место резко выделялось из лесов и из России. На Маковице стоял монастырь – Троице-Сергиева Лавра, одна из четырех Лавр нашей родины» [1, с. 65]. В примечании объясняется, что значит слово «лавра», в каком значении оно употреблялось на Руси, а затем подчеркнуто: «Позже Лаврами дают право называться только прославленным монастырям» [1, с. 74]. И завершается весь корпус примечаний опять-таки именем Троице-Сергиевой Лавры, трижды упомянутой в небольшом фрагменте текста. Прием многократного повторения заостряет внимание читателя именно на результате духовного пути подвижника, чему и посвящена вся последняя глава «Преподобного Сергия Радонежского».

Жанровая природа «Афона» (паломничество, хождение) потребовала иных примечаний. Создавая образ особого, сакрального пространства – «острова молитвы», – автор вольно или невольно в примечаниях углубляет этот образ, уточняя те или иные аспекты жизни Афона. Примечания этого произведения можно разделить на три группы. Первая – об особенностях внешнего устройства: территория, административные отношения, типы монашеской жизни. Вторая – о молитвенной жизни: чин погребения, келейное правило, особенности службы на Преображение. Третья – о духовном устройении: сложности духовной жизни.

Примечания 1, 2 и 16 создают композиционную рамку для примечаний в целом. В 1 и 2 речь идет о территории, административном устройении и иерархии афонских монастырей. В 16 – о «типах монашеской жизни», то есть о типах уединения. В этих примечаниях важна не только информативная сторона, хотя и она, безусловно, интересна. Значительнее для содержания произведения в целом необычные названия: метохи (имения монастырей), Карея (административный центр Афона), конак (подворье), прот, протат, кинот, антипропосы, эпистаты; названия всех двадцати монастырей (Лавра, Ватопед, Ивер, Хиландарь и т. д.) и формы уединения: киновии (общежительные монастыри), идиоритмы (особожитные монастыри), скиты («небольшие киновии»), келии («нечто вроде монашеского хутора с церковью»), каливы («избушки»), сиромахи («бродячие монахи»). Вся эта специфическая лексика усиливает эстетический эффект в процессе художественного воплощения

образа особого пространства. Тем самым и создается тот художественный мир, в который должен погрузиться читатель.

Но и собственно информативное примечание порой выполняет ту же функцию, как, например, примечание 13, сделанное к упоминанию большой трапезной в Лавре: «В этой трапезной общая трапеза бывает лишь несколько раз в году» [2, с. 149]. Даже сугубо бытовая, казалось бы, незначительная деталь, «работает» на достижение художественной целостности.

Наиболее пространственные примечания касаются вопросов молитвенной жизни (3, 4, 12) и типов подвижников (15). Третье примечание посвящено теме «Афон и смерть» и представляет собой обширную цитату из «Писем Святогорца к друзьям своим о Св. горе Афонской». Фрагмент известного произведения Зайцев использует в качестве документального материала, что вполне оправданно, поскольку С.А. Веснин (Святогорец) на Афоне принял схиму, жил там и последние два года жизни тоже провел на Афоне. «Бесхитростный» и спокойный рассказ Святогорца стилистически не только соответствует теме, но весьма органично «вписывается» в текст Зайцева.

Особо отметим примечания 12 и 15, в которых выражено субъективное авторское восприятие наблюдаемого мира. В двенадцатом речь идет о «выспреннем Афоне», оно относится к следующему фрагменту основного повествования: «Афон, святая гора! На другой день мы шли мимо нее, дорогою к Лавре св. Афанасия. Справа у нас было море, слева бело-серые кручи Афона» [2, с. 111]. В примечании, с одной стороны, вводится отрицательный факт в ходе путешествия, говорится о том, что не состоялось: «К сожалению, мне не пришлось взойти на вершину Афона», – тем самым автор подтверждает, что описывает только виденное лично. Затем дается информация: «“Выспренный Афон” или “шпиль”, как его здесь называют – голая скала с небольшой церковкой Преображения Господня. (Эту церковку, в ясный солнечный день, я видел иногда и снизу, огибая афонский полуостров, – она сияла белой точкой). “Шпиль” необитаем, там никого нет, жить слишком трудно из-за бурь, холодов зимою, ветров. Служба в церкви бывает раз в году – 6 августа, в день Преображения». Сама по себе эта информация уже позволяет получить некоторое представление о самой высокой точке святой горы. Завершается примечание таким образом: «Да, я не был на вершине Афона, но я так ясно представляю себе его надземную высоту, синий туман моря, видения островов, ток безбрежного ветра, что мне все кажется, будто я там бывал» [2, с. 149]. Эмоциональное высказывание с яркими пространственными образами, по сути, продолжает текст основного повествования, создавая законченный образ на уровне эстетического переживания.

В целом характер примечаний определяется жанровой спецификой произведений. В житии доминирует категория времени, в хождении – пространство. Эти установки видны уже во вступлениях к произведениям. В первом из них читаем: «Св. Сергей родился более *шестисот лет* назад, умер более *пятисот*. <...> Сергей жил во времена татарщины» [1, с. 24]. В «Афоне»: «Афон – сила, и сила охранительная, смысл его есть “*пребывание*”, а не движение. <...> Это как бы *остров молитвы*. Место непрерывного истока благоволения» [2, с. 76] (курсив мой – Н.П.). Примечания, как показывают наблюдения, соответствуют пространственно-временным доминантам, т. е. и на формальном уровне служат целостности произведений.

Заметим также, что образ повествователя, обусловленный жанровой природой произведений, проявляется и в примечаниях. К примеру, пиетет по отношению к Сергию особенно отчетливо выражен в примечаниях 14 и 17. В первом из них сказано: «<...> существует грамота Патр. Каллиста I к неназываемому русск. игумену (это мог быть *только* Сергей) <...>» [1, с. 73] (курсив Зайцева). В 17: «<...> идеалу святости и монашества *по Сергию* он не соответствовал» [1, с. 74] (курсив Зайцева). В «Афоне» повествователь предстает как чуткий паломник, сочетающий, казалось бы, несовместимые качества: сдержанность и в то же время какой-то внутренний восторг, то, что называется «радованием сердца». В рассмотренном выше 19 примечании к «Афону» это выражено со всей очевидностью.

Таким образом, документальный материал в контексте рассмотренных произведений служит фактором достоверности, способствует ощущению колорита эпохи (в «Преподобном Сергии Радонежском») или созданию особого пространственного мира

(«Афон»), получает эстетическую функцию и работает на выполнение основного идейно-художественного задания автора. Тем самым примечания сообщают текстам Б.К. Зайцева необходимое «эстетическое завершение» (М.М. Бахтин).

Список использованных источников

1. Зайцев Б.К. Преподобный Сергей Радонежский / Б.К. Зайцев // Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 7 (доп.). – 530 с.
2. Зайцев Б.К. Афон / Б.К. Зайцев // Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 7 (доп.). – 530 с.

References

1. Zajcev, B.K. *Prepodobnyj Sergij Radonezhskij* [Saint Sergiy Radoneghsky]. *Sobranie sochinenij: V 5 t.* [The Complete edition: In 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000, vol. 7 (ad.), 530 p.
2. Zajcev, B.K. *Afon* [Athos]. *Sobranie sochinenij: V 5 t.* [The Complete edition: In 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000, vol. 7 (ad.), 530 p.

У статті розглядаються особливості авторських приміток до творів, визначається їх значущість для цілісного сприйняття тексту. Зокрема показано, що примітки мають не тільки інформативно-уточнюючий характер, але й сприяють посиленню такого жанрового фактора, як просторово-часові відношення у творі.

Ключові слова: Б.К. Зайцев, цілісність твору, жанр життя, жанр ходіння, фактор достовірності, колорит доби, естетична функція, просторово-часові відношення, образ оповідача.

The paper deals with the peculiarities of the author's commentary on his works. The speaker determined their importance for the integral perception of the text. In particular, she shows, that the notes posses not only informative and explanatory character, but also contribute to the strengthening of such genre factor as time and space relations in the story.

Key words: B.K. Zaitsev, integrity of work, life genre, circulation genre, reliability factor, color of an era, esthetic function, existential relations, image of the storyteller.

Одержано 7.11.2016.